

Л.И. ОГОРОДНИКОВА

*бюджетное учреждение «Исторический
архив Омской области»*

ОМСК В 1920-е ГОДЫ

(по материалам политических информационных сводок)

В мае 1921 г. в городе проходили очередные выборы в Горсовет. Большевики и эсеры участия в них не принимали и вели себя пассивно. В городе в эти дни проходили съезды председателей уездных исполкомов, заведующих дошкольными подотделами народного образования. В Малом народном театре, в Атаманском хуторе, ставились лубок и так называемая «революционная сатира», авторами которых были сами рабочие, постановки имели у населения огромный успех. С 15 по 29 мая было избрано в Горсовет 539 человек, из них 450 коммунистов и 89 беспартийных, представителей других партий не было¹. В июне 1921 г. были образованы два новых районных горисполкома – Ленинский и Куломзинский (данные территории официально еще не входили в состав г. Омска).

В начале 1921 г. промышленность в Омске находилась в упадке. На некоторых предприятиях объем продукции сократился от 50 до 75 процентов². Из-за недостатка одежды и обуви, уменьшения рабочего пайка и его невыдачи недовольство рабочих усиливалось, они халатно относились к работе, занимались «халтурой», принося сырье и работая на заводских машинах для себя. Начали закрываться мелкие предприятия. 1 июля 1921 г. приостановили работу сапожно-починочная, шорно-седельная мастерские. Не хватало сырья, квалифицированных рабочих. Омская губЧК ожидала забастовок на заводе Рандрупа, автозаводе, Оммеханлите. Тревожили ЧК злостный саботаж, массовое хищение сырья и продукции. Так, на Госмельнице ежедневно не досчитывались около 50 пудов муки. Контрреволюционные силы готовились к выступлению, запаса на заводах и фабриках оружие. 6 июня на заводе Оммеханлит обнаружили две гранаты, три коробки перексилиновых капсул, 20 фунтов пороха, пулеметный ствол и бомбомет³. Вызывали недовольство и неумелые

действия Сибсовнархоза – в Омске был построен новый завод хлористой извести, но за неимением материалов он не работал и вопрос о сырье не решался.

К августу 1921 г. настроение рабочих на крупных омских предприятиях улучшилось, и причиной этому стало создание рабочих кооперативов, предпринявших ряд мер по снабжению рабочих продовольствием. Но через две недели продовольственный кризис опять дал знать о себе. По городу начались забастовки. Однодневная – на фабрике шерстоткани № 3; 9 августа забастовали сто рабочих пимокатной фабрики № 4, потребовав увеличить паек, выдать спецодежду. «Политработа среди рабочих не ведется, и партия имеет слабое влияние на рабочие массы. Падение промышленности растет», – констатировала в августовской сводке губЧК. Объясняли это нехваткой квалифицированных кадров в связи с массовой эвакуацией военнопленных и других иностранцев из Сибири. В сентябре тяжелое положение сложилось в железнодорожных мастерских, где рабочие начали активно обсуждать вопрос о создании стачечного комитета. 5 сентября при получении жалования рабочие депо Омск полученные деньги уничтожили, не отходя от кассы, с возгласами: «Обещают много, а дают мало – только для смеха. на полученные деньги не купишь и коробка спичек.»⁴ Другие же вообще отказались от зарплаты, говоря, что чем рвать, пусть пользуется государство. На некоторых предприятиях жалование было не выплачено за несколько месяцев. На других паек выдавался только на самих рабочих, без учета членов их семей. Из-за отсутствия сырья стояли мыловаренные заводы. Мельницы из-за отсутствия муки мололи ячмень на кофе. Ситуация в городе была таковой – объявлялись забастовки, руководство предприятий и местные власти частично удовлетворяли требования забастовщиков, те вновь выходили на работу – и так до новой забастовки.

В Омске наблюдался усиленный рост мелкой торговли. Лавки росли как грибы. «Буржуи» зачастую проделывали в своих заборах окна, раскладывали на столах товар и зазывали, кто как мог, покупателей. К лету в Омск хлынули мешочники, это сильно повысило цену на хлеб – мука простого размола стоила 170000 рублей за пуд (к концу года он уже стоил 800000)⁵. В город из Тарского уезда везли в большом количестве скот для

его обмена на хлеб, из-за чего стояли низкие цены на лошадей. В целом же цены на продукты значительно превышали их стоимость в центральной части России.

По городу разползались слухи о переворотах в Иркутске, Кокчетаве, о готовящемся перевороте в Омске. На суконной фабрике, заводах губсовнархоза начались итальянские забастовки. Увеличивались случаи невыхода на работу под предлогом голода. Горожане для прокорма скота вынуждены были тайно скашивать вблизи города посевы на корм. Одна из сводок ЧК сообщала: «В станице Черемуховская задержано 30 городских подвод, приехавших косить хлеб на корм, причем у приехавших имелись наганы. Исполкомы работают плохо. Кулачество подняло голову, ожидая восстаний.» В районе станции Омск, близ Московки, ежедневно происходили убийства, но конные разведки милиции бандитов не обнаруживали. На одном из рынков был убит милиционером красноармеец, укравший сало. Толпа зверски расправилась с милиционером. При случившейся перестрелке народ, разбегаясь, кричал, что наступил переворот. По городу участились случаи агитации по отношению к невыполнению продналога крестьянами. Напряжение нарастало. В ночь с 11 на 12 ноября 1921 г. произошел пожар в железнодорожных мастерских. Сгорели все здания, их оборудование, уцелели лишь литейное и котельное отделения. Была уничтожена электростанция, оставив без света вокзал и пристанционный район. В огне пострадало 20 человек. На рабочих это событие подействовало удручающе. «Среди спецов и конторских служащих Управления Омдора слышатся иронические замечания: «доездили» и т.д. А также распространился слух, что фабрики и заводы будут жечь как в 1905 году, потому что работают все, но работа никому ничего не дает.» К концу года работал один электрический цех. Мастерские закрылись на 1,5 месяца.

К концу 1921 г. положение оставалось тяжелым. Не хватало топлива, сырья, жалование рабочим не выплачивалось уже несколько месяцев. В счет его выдавались теплые вещи с огромной наценкой. Так, если на базаре заячья шапка стоила 30000 рублей, то рабочие платили за нее 70000⁶. За неимением одежды около 25 % рабочих не выходили на работу. В ноябре началось объединение

предприятий. В Омске был создан Металлтрест, в состав которого вошли Первый механический завод, Оммеханлит, фабрика Энергия, лесопилка. Началась подготовка к созданию Кожтреста.

На город надвигалась эпидемия возвратного и сыпного тифа. На 4 ноября заболевших было 247 человек, большинство из них – дети из детских домов, содержание которых было плохим. 30 ноября в больницах города находилось уже 665, 15 декабря – 1140 больных. С начала эпидемии умерло 105 человек. Общая смертность по Омску за ноябрь превысила рождаемость на 17, 52 %. Была образована комиссия по борьбе с тифом – Чекатиф. В Омск хлынул поток поволжских беженцев. На линии Омской железной дороги было обнаружено много замерзших, за три недели из эшелонов было снято 740 обмороженных. На 1 декабря 1921 г. в Омскую губернию проследовало 135772 голодающих, из них 8495 остались в Омске⁷. Для голодных детей беженцев была организована столовая на 1000 человек. Открыли 1 распределитель, 14 детдомов.

Тяжелое положение сложилось на станциях Омск, Куломзино, где простаивали эшелоны из-за отсутствия топлива, как пассажирские, так и грузовые. Некоторые из них, с мануфактурой и продовольствием, периодически подвергались организованному ограблению. Среди пойманных грабителей были и сторожа товарного двора. К марту 1922 г. с этой проблемой удалось справиться, ночная охрана была снята, ее оставили только на окраинах города.

В начале 1922 г. голод в Омской губернии начал усиливаться. Крестьяне распродавали скот и уезжали в более хлебные места. По Омску ходили голодные худые люди, прося подаяние. Было зарегистрировано несколько случаев голодной смерти прямо на улицах города, наблюдались случаи употребления в пищу падали.

Население Омска было недовольно действиями местной власти. Начался выход членов из компартии. Жители игнорировали очередные выборы в Горсовет, не посещая предвыборные собрания, а если и приходили, то выражали свое недовольство. На гидротехническом заводе на одном из таких собраний слышались крики: «Довольно нам ходить за хвостом коммунистов и подчиняться им, нужно взяться за дело всем беспартийным»⁸.

Весной 1922 г. в Омске началось изъятие ценностей в городских церквях. Многие жители были возмущены такими мерами. 25

марта на заводе Рандрупа на собрании по этому поводу против изъятия проголосовали 100 человек, за – только 9. (Рабочие этого завода, преимущественно сибиряки, были настроены по отношению к партии и советской власти, в большинстве своем, враждебно.) В почтовой конторе тоже были против этого. Здесь докладчикам не давали говорить, прерывали. Предложенная резолюция поддержать изъятие принята не была. Рабочие и служащие Омской железной дороги также были против. Они были уверены, что золото пойдет не по назначению, а коммунистам по карманам. В железнодорожных мастерских после объявления повестки дня большая часть собравшихся разошлась. А на 1-м механическом заводе на собрание никто не пришел. С коллективами многих учреждений и предприятий по этому вопросу была проведена работа. Всем объясняли, что изъятие – это крайняя необходимость для борьбы с голодом в Поволжье, куда пойдут деньги после реализации этих ценностей, давили на коллективы. После этого резолюции принялись в пользу изъятия большинством в 2-3 голоса. На собрании прихожане в Знаменской церкви приняли резолюцию: «Церковные ценности, как святыня верующих, изъятию не подлежат, а для помощи голодающим обязать причт церкви сделать тарелочный сбор советскими знаками в церкви на богослужении.»⁹

Настроение верующих было по отношению к Советской власти крайне враждебным. Омский архиепископ Дмитрий выпустил воззвание к верующим епархии с просьбой не оказывать сопротивления изъятию церковных ценностей, что вызвало у верующих большое недовольство. При входе комиссии в Успенский кафедральный собор и ее просьбе к верующим удалиться из храма поднялся шум, слышались крики: «Вот до чего дошли ученые люди, что стали грабить храмы!» За 4 дня из пяти церквей было изъято 24 пуда серебра, полфунта золота. В мае эту работу завершили. Было изъято 32 с лишним пуда серебра. И хотя население Омска отнеслось к этой акции враждебно, изъятие прошло в целом спокойно.

С 5 мая 1922 г. в городе забастовало 127 грузчиков Новоомска, требуя увеличения ставки за выгрузку, паромы на Иртыше стояли неразгруженными. Руководители стачки агитировали: «Довольно нам работать на коммунистов, карманы они свои

уже набили достаточно, пора подумать о себе и взяться за дело, чтобы коммунисты не существовали на свете, и чтобы даже не было слова коммунист. Только тогда мы все заживем хорошо, будем довольны и сыты. Пока советская власть будет сидеть у нас на шее, все мы подохнем с голода.»¹⁰

В этот период в Омске были ликвидированы губком и горком правых эсеров, организованные в 1920 году. Существовавшая в Омске группа эсеров базировалась в железнодорожных мастерских. Многие эсеры и меньшевики «сидели» и в органах кооперации, особенно в Губкустпромсоюзе. Горком имел около 8 ячеек. Кроме выполнения задач по развитию партийной работы комитет эсеров поставил перед собой задачу организации помощи политзаключенным, были собраны пожертвования от эсеров других территорий. Началось следствие над 43 членами организации, виновность которых была доказана. Для окончательного решения дело передали в Москву.

Существовала в Омске и вторая группировка под названием «неоэсеры» с лозунгом «Кто властвует экономически, тот властвует и политически». Они не имели ничего общего с эсерами. Полное название их организации – Союз Родины, сокращенно – с-р, а добавку «нео» вставили, чтобы их не путали с эсерами. Создана эта партия была на совещании бывших членов Государственной Думы за границей, в которую входили бывшие народные социалисты-прогрессисты, некоторые кадеты, октябристы и правые. Особое их внимание было уделено земельной программе. Работа неоэсеров (а некоторые из них занимали даже ответственные посты) в Омске была ликвидирована в зачатке, членов группы привлекли к уголовной ответственности. В июле 1923 г. в Омске проходили лекции на тему «Всероссийский съезд бывших эсеров», докладчиками выступали сами бывшие эсеры. Помещения были переполнены пришедшей публикой, задавалось много вопросов. Выступавшие по докладам коммунисты доказывали «провокааторскую» линию поведения партии эсеров.

Летом 1922 г. тяжелое положение сложилось на предприятиях Текстильтреста. Зарплата на предприятиях этого треста была минимальной, ее выдавали несвоевременно. На 3-й суконной фабрике в июне оставили работу 30 человек, на кошмопимокатном заводе

работали с оговоркой «Мы голодны». Рабочие стали увольняться. Часть зарплаты выдавалась мукой, другая – сукном, но по высокой расценке. Рабочие предприятий Металлтреста вынуждены были согласиться на уменьшение зарплаты на 15%, это закрепили постановлением на общем собрании.

Из-за низкой зарплаты и плохой ее выдачи только за одну неделю июля уволилось 20 наиболее опытных сотрудников городской почтовой конторы. Работники снимали марки с писем, выпрашивали хлеб за доставляемые письма. Губисполком даже поставил перед Сибцентром вопрос о милитаризации почты, но он был отклонен. Плохим было отношение к Сибпочтелю, который не принимал мер к улучшению материального положения работников почты и телеграфа и предлагал сократить штат на 34%. При таком положении дел развал почто-телеграфа неминуем – говорили омские почтовики.

Во второй половине 1922 г. забастовки на предприятиях почты прекратились. При угрозе их начала сразу же проводилась разъяснительная работа, частично удовлетворялись требования рабочих. Это улучшило отношение беспартийных масс к РКП(б). 25-29 сентября в Омске прошла 5-я губернская конференция РКП(б). Работа губкома была признана удовлетворительной, в его новый состав было избрали 28 человек. В первые месяцы перед новым составом была поставлена задача укрепления пролетарского ядра организации в г. Омске. В различного рода отчетах отмечалось, что «с улучшением материального положения даже наиболее несознательные элементы проявляют некоторый интерес к РКП(б). На ячейковых собраниях участвуют беспартийные.» Увеличился приток в партию рабочих.

Особое внимание в Омске власти уделяли осенью 1922 г. безработице, налаживали деятельность биржи труда. Учреждениям был разрешен самостоятельный прием сотрудников, но с обязательной регистрацией на бирже. Большую часть безработных составляли женщины, и биржа была вынуждена следить за исполнением в Омске постановления Наркомата труда «о недопущении сокращения штатов за счет женщин, труд коих равносителен труду мужчин.» Профсоюзами была проведена Неделя помощи безработной пролетарке. На 1 января 1923 г. на бирже труда было зарегистрировано 1109 человек¹¹. Шла подготовительная работа по замене труд-

гужналога денежными знаками и продовольствием.

В конце 1922 г. в Омске действовало 32 школы, 10 профессионально-технических учебных заведений. Остро ощущалась нехватка учебных пособий, топливом школы города снабжали комитеты содействия из родителей. К новогоднему празднику все воспитанники детдомов получили усиленный паек, те, кто имел шефов, — новую одежду. Из-за отсутствия кадров слабо шла ликвидация неграмотности, политпросветработа. Были открыты рабочие клубы — К.Маркса, В.И.Ленина, Кутузова, Подбельского, III Интернационала и коммунальников. Здесь работали различные кружки, ставились спектакли и концерты, шли платные киносеансы, читались лекции.

К началу 1923 г. случаев волнений и брожений среди рабочих и служащих Омска уже не отмечалось. «С Соввластью сжились», — констатировали органы власти. Заработная плата на всех предприятиях гарантировала возможность существования. В городе интенсивно развивалась торговля, преимущественно — мелкая. Товарообменные операции шли на убыль, их заменяла купля-продажа за наличные деньги. Росли лавки, магазинчики. Наиболее ходовыми товарами были мануфактурные, железо-скобяные изделия.

От 40 до 80 % рабочих пользовались квартирами от завода. Студентам выдавалась стипендия — 12 млн. рублей старого образца, паек — 1 пуд муки и 10 фунтов мяса¹². Для нормальной жизни этого не хватало, но улучшило материальное положение студенчества. Почти все студенты вынуждены были помимо учебы подрабатывать в различных учреждениях. Омский губотдел ГПУ отмечал, что «Политическими вопросами интересуются мало. Всех поглощает вопрос личного обеспечения» Политнастроение студентов отмечалось как «лояльное». Группировок антикоммунистического направления не было, но часть студентов оппозиционировала Совету студенческих представителей. Так, в мединституте была выявлена такая группа на 4-м курсе. Бюро комячейки приняло постановление «пойти с ходатайством о немедленном их исключении из института без права поступления в вузы республики.» Весной 1923 г. в вузах города работала специальная комиссия по очистке учебных заведений от контрреволюционных элементов, были лишены

работы 32 бывших белых офицера, исключены 64 студента как «непролетарский антисоветский элемент». Остро ощущалась нехватка учебников. Так, на некоторых рабфаках на 40 человек приходилось 3 учебника.

4 марта 1923 г. в Омске прошла городская партийная конференция. В повестке дня стоял доклад о международном положении республики, о состоянии промышленности, народном образовании, финансовом положении и налогах, о борьбе с самогонварением. Было отмечено улучшение положения рабочих в связи с НЭП, необходимость укрепления рабочей кооперации и организации рабочего кредита, о принятии шефства над школами и детдомами.

В связи с болезнью В.И.Ленина по городу циркулировали различные слухи. Говорили, что после его смерти власть перейдет в руки рабочей оппозиции, которая сведет НЭП на нет. Проходила в губернии и в Омске Неделя беспризорного ребенка. Шли спектакли и вечера, велись кружечный сбор и отчисления организаций в помощь детям.

1 мая в Омске прошла праздничная демонстрация, в ней участвовало около 30 тысяч человек, цифра для того времени внушительная. «Слышались разговоры и возгласы удовлетворения по поводу обмундирования и организованности Красной Армии. Студенты некоторых вузов (всего в вузах училось до 1000 человек) пришли на демонстрацию в полном составе. На их плакатах были различные лозунги, в том числе и такие: «Студент-мещанин есть бельмо в глазах пролетарской интеллигенции»¹³. А 17 мая все части гарнизона г. Омска участвовали в демонстрации — протесте против убийства т. Воровского. «Среди красноармейцев и комсостава строевых частей наблюдается боевой дух и желание отомстить всемирной буржуазии за ее проделки», — рапортовало руководство гарнизона. Праздник Октябрьской революции в том же году отмечался в Омске с подъемом. Накануне во всех клубах, красных уголках, в ряде учреждений состоялись митинги и вечера воспоминаний. Большую часть зданий в городе украсили красными флагами, вензелями, зеленью. Некоторое недовольство в среде рабочих вызвала отмена демонстрации, так как профсоюзами было предложено праздник провести в клубах и театре. Но некоторые организации вышли с флагами на улицы, устроив ряд летучих митингов.

На отдельных предприятиях коллективы выражали некоторое недовольство малой заработной платой, несвоевременностью ее выплаты, нехваткой сырья. Но в целом власти констатировали положительное отношение населения к НЭПу и новой тарифной политике. К лету 1923 г. вновь значительно возросло количество безработных. Большую их часть составили прибывшие на заработок в Омск крестьяне из Тюкалинского и Тарского уездов. С 22 мая по 5 июня 1923 г. их количество возросло на 1700 человек. На 10.01.1924 на бирже стояло 8815 человек. Зарегистрированным безработным выдавали муку на пропитание и деньги, оказывали бесплатную медицинскую помощь.

С наступлением тепла в город пришла эпидемия малярии. В январе 1923 г. в Омске было 112 заболевших, а в апреле – уже 762, и лечить больных было нечем.

В январе 1924 г. город потрясли известия о смерти В.И. Ленина. Большинство омичей узнало об этом утром 22 января 1924 года. Омский губотдел ОГПУ так описывал эти события: «Никто не верил, вернее, не хотел. Тотчас же по требованию публики киносеансы и спектакли были прерваны, все присутствующие под аккомпанемент музыки исполнили «Вы жертвою пали» и «Интернационал». В этот момент были слышны истерические выкрики, рыдания, плакали даже мужчины. Выходящая толпа сообщала встречающимся о печальной вести, настроение у всех резко изменилось, было подавленное. По улицам прекратилось движение, стихийно закрылись все кафе. Утром 23 января всему населению стало известно о постигшем СССР горе. Редакции газет выпустили экстренное сообщение, все рабочие и служащие пришли в свои предприятия, но никто не работал. Настроение у всех было подавленное, женщины плакали, слышались фразы: «Лучше бы умерли мать, отец, чем Ленин...»¹⁴. На зданиях вывешивались черные траурные флаги. В большинстве организаций и предприятий состоялись митинги, на которых ораторы призывали к спокойствию и сплочению. Во ВЦИК и ЦК РКП(б) посылались телеграммы с выражением соболезнования. На 26 января в Омске была назначена демонстрация памяти Ленину. С рассвета рабочие, служащие и даже «обывательщина» начали собираться на сборные пункты. К 10 часам утра все главные улицы города были

запружены народом. Площадь за Домом Советов заполнили до отказа. После кратких выступлений представителей губкома партии и губисполкома почтили память Ильича склонением знамени и похоронным маршем, затем с пением Интернационала прошли по главным улицам. 27 января – в день похорон, с 3-х часов дня народ стал собираться у здания губкома, через три часа началось выступление ораторов. В 19.00 загудели фабричные гудки, погас свет по всему городу, раздался орудийный и оружейный салют. У многих на глазах были слезы.

После смерти Ленина власти были очень обеспокоены настроением населения. Во многих рабочих коллективах оставалось подавленное, растерянное состояние. Шли разговоры о возможности изменения курса в стране, осложнении международной обстановки. Кандидатами на замещение должности председателя Совнаркома называли Калининна, Каменева. Крестьяне сожалели о смерти Ленина, говоря, что он один был их защитником. Часть служащих злорадствовала. Большая часть «обывательщины» – безразлична, часть – подавлена», – так оценивалось настроение рядовых граждан. Но все боялись возврата политики 1918-1921 годов.

После смерти Ленина начался приток рабочих в ряды партии. Беспартийные служащие многих учреждений посещали партсобрания, меняли свое отношение к советской власти, этому способствовало признание СССР рядом государств. И это несмотря на то, что зарплата служащих в государственных учреждениях была невысокой и удовлетворяла прожиточный минимум от 25 до 50 %. В городе была отменена оплата труда натурпродуктами. Только в этот период учительский персонал, не получая жалование, требовал выдачи хотя бы 1-3 пуда муки на пропитание. Особое внимание было обращено на укрепление милиции. Ее положение было незавидным, это отмечали власти на всех уровнях. Жалование было маленьким, несвоевременно выплачивалось. В ряды милиции направлялись новые кадры – из коммунистов. Была создана губернская аттестационная комиссия, которая решала кадровые вопросы органов порядка. Через месяц-два положение нормализовалось – жалование рядовым милиционерам увеличили до 20-25 рублей. Учителя так-

же получили прибавку – с 16-17 рублей до 25-30 рублей¹⁵.

К лету 1924 г. власти отмечали, что настроение рабочих, служащих, их отношение к партии и власти удовлетворительное. Выплаты зарплаты, за исключением школьных работников, производились своевременно. Заработная плата почти на всех предприятиях достигла 75 % довоенной. Средний заработок квалифицированного рабочего на крупных предприятиях (Сибзавод, «Красный Пахарь») были в пределах 43-54 рублей. Отмечалось широкое кредитование рабочих в кооперативных и госторговых организациях. Но главной проблемой оставался рост безработных, в основном низкой квалификации, большая часть которых голодала. По неофициальным данным их количество достигло 16 тысяч человек. Губпрофсовет предложил ряд мер, одна из них – увольнение тех, у кого 2-3 члена семьи имели заработок. Напряжение возрастало. 14 мая 1924 г. около 200 безработных, преимущественно рабочих и демобилизованных красноармейцев, возмущенные работой биржи, пытались разбить окна и проникнуть внутрь. Но после уговоров и обещаний успокоились. Но позже, 22 мая, безработные с криками в адрес биржи и вообще советской власти сломали двери и ворвались в помещение, где потребовали немедленно закрыть биржу и предлагали пойти в губисполком с требованием предоставить работу или материальную помощь. »Биржа труда – это наказание божие, посланное богом для доведения до голода и нищеты православных», – и такие суждения ходили среди присутствовавших. Городские власти вынуждены были принять меры по организации общественных работ в коммунальном хозяйстве. Вскоре губисполком принял постановление о приеме на работу предприятиями и организациями без биржи труда. Этим хотели решить проблему наплыва безработных на биржу. Но работу нашли лишь немногие, и все пошло по - старому.

Улучшение материального положения населения позитивно влияло на укрепление советской власти. Омский губотдел ОГПУ отмечал в сводках, что «Среди беспартийных рабочих весьма нередки суждения : » Что ж, и советская власть иногда делает неладно, но ее поддерживаешь потому, что она все же ближе, наша.» В июне 1924 г. подводились итоги проверки вузов Омска.

Проверку прошли 1930 студентов, по социальному составу: 18% – рабочие, 39% – крестьяне, 31% – служащие и 12% прочие. Коммунистов по всем вузам было 12%, комсомольцев – 8%. Из общего числа студентов было исключено 329 человек¹⁶. Беспартийное студенчество свое отношение к чистке почти не высказывало, но их симпатии и сочувствие были на стороне исключенных.

В октябре 1925 г. в соответствии с решением правительства в продажу по всей стране была выпущена 40-градусная очищенная водка, которую сразу же обозвали «рыковкой». Эту меру население приняло неоднозначно. Одни говорили, что это необходимо для поднятия финансовых ресурсов, другие рассматривали ее как желание правительства спойть народ. Любители выпить к выпуску водки отнеслись одобрительно. Идя по улицам, они кричали «Ребята, зайдем в «Уголок Рыкова», – называя этим именем магазины, где продавали водку, а зайдя туда – «Давай «рыковки», да здравствует Рыков!» В первые дни продажи водки на некоторых улицах, на базарах слышались песни, были и драки. Многие рабочие после получки не вышли на следующий день на работу. На заводе имени Зиновьева неявка составила 150 человек. Семьи рабочих, особенно их жены, выпуск водки встретили с проклятием, ругая за это советскую власть: «Будь она проклята эта водка, шесть лет не видели ее и до конца жизни не видеть бы.»¹⁷ Приезжающие в Омск крестьяне создавали очереди в магазинах.

В конце 1924 - начале 1925 гг. в городе началась кампания по поднятию производительности труда на предприятиях. Так, на заводе имени Юргенсона для этого устанавливались нормы выработки, были введены табели работ, где отмечалось затраченное время на ту или иную операцию. Проходила и чистка госаппарата. К ноябрю 1924 г. было проверено 32 учреждения, уволено около 200 человек.

В последующие годы советская власть укрепила свои позиции на всех направлениях. Но те или иные негативные события периодически влияли на настроение омичей. В 1-й половине 1928 г. в городе острой была проблема нехватки хлеба, в городе появились большие очереди за ним. На заводе «Красный пахарь» были разбросаны прокламации, призывавшие рабочих выходить на улицы с требованием хлеба. И хотя недовольство было налицо, под влиянием

коммунистов беспартийные заявили: «Пусть бы нам хоть одна сволочь попалась, мы бы ему тогда показали, как писать прокламации.» Выход нашли – в продажу пустили хлеб из простого размола, очереди исчезли. Но толпы женщин с разговорами, что такой хлеб есть не хочется, а скот кормить дорого, ходили из лавки в лавку, в горисполком, в женотделы, требуя нормального хлеба и угрожая погромом лавок. 11 июля 1929 г. на здании на углу улиц Рассохина и Труда обнаружили листовки «Долой коммунистов-шишек! Да здравствует настоящая Советская Рабоче-Крестьянская власть!» А в ночь на 11 января 1930 г. в том же Ленинске были расклеены прокламации следующего содержания: «Внимание! Братцы! Что вы молчите? Нас принуждают, чтобы мы работали на дармоедов, т.е. работать скоро и много, а кушать не спрашивай, потому что мы должны обработать тех людей, которые строят социализм, т.е. хозяев пролетариата, которые имеют роскошные удовольствия, как, например, пианино, мотоциклет, хорошие пальто в несколько сот рублей, а крестьянин же имеет две-три лошади – он кулак. Братцы, где же правда? Братцы, неужели вы боитесь говорить правду?»¹⁸

Восемь экземпляров таких прокламаций были доставлены в городской административный отдел. Все они были написаны одной рукой печатными буквами на четвертушке листа. Началось расследование. Но это были уже единичные факты такого выражения несогласия с политикой партии и государства.

¹ БУ ИСА. Ф.32. Оп.1. Д.232. Л.346 об.

² Там же. Ф.1-н. Оп.2. Д.140. Л.65.

³ Там же. Л.64.

⁴ Там же. Д.144. Л.29.

⁵ Там же. Ф.27. Оп.2. Д.2. Л.109 об.-110 об.

⁶ Там же. Л.146-147.

⁷ Там же. Ф.1-н. Оп.3. Д.134. Л.15-16.

⁸ Там же. Л.20-21.

⁹ Там же. Ф.1-н. Оп.3. Д.135. Л.107-109 об.

¹⁰ Там же. Л.110-158.

¹¹ Там же. Ф.27. Оп.2. Д.5. Л.1-5.

¹² Там же. Ф.1-н. Оп.4. Д.184. Л.28-32.

¹³ Там же. Ф.27. Оп.2. Д.5. Л.115.-118.

¹⁴ Там же. Ф.1-н. Оп.5. Д.46. Л.40-44.

¹⁵ Там же. Оп.4. Д.372. Л.27-34.

¹⁶ Там же. Л.35-44.

¹⁷ Там же. Ф.1-н. Оп.6. Д.76. Л.72-75.

¹⁸ Там же. Ф.1326. Оп.3. Д.15. Л.20.